

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1880

АВГУСТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Маленькая трагедія въ средѣ
маленькихъ людей. А. ПИТЕРСКАГО.	VI. Воспоминанія сомылаго. СИМОНА
МАЙЕРА.
II. Политическому поэту. Стихотво-
реніе. . . . НИКОЛАЯ СЕРГЬЕВА.	VII. Проповѣдникъ «Новаго слова».
АЛЕКСАНДРА ГОРШКОВА.
III. Сибирская Швейцарія. Н. ЯРИН-
ЦЕВА.	VIII. Русская жизнь. <i>А. М. Горький</i>
IV. Стриженные зайцы. СЕРГЬЯ АТАВЫ.	IX. Новыя книги.
V. Возрожденіе. Стихотвореніе АЛЕ-
КСАНДРА АРСЕНЬЕВА	X. Смѣсь.
Объявленія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СИБИРСКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ

(Изъ путевыхъ записокъ объ Алтай).

В странствіяхъ по Сибири я давно искалъ случая посѣтить Алтайскія горы съ Бухтарминскимъ краемъ, привольную мѣстность, обладающую прекраснымъ климатомъ, которая можетъ быть вполнѣ названа Сибирской Швейцаріей.

Въ 1878 г., проѣхавъ пространство монотонныхъ и безконечныхъ сибирскихъ степей на Бійско-Каменогорскомъ трактѣ, я коснулся наконецъ предгорій Алтая. Прекрасная, зеленая равнина Алея уступила мѣсто новой природѣ.

Подъѣзжая къ этимъ предгоріямъ и впиваясь взоромъ въ лазурную даль лѣтняго воздуха, дрожащаго и волнующагося надъ почвой, разогрѣтой лучами жгучаго лѣтняго солнца, мы внезапно увидѣли синіе абрисы далекихъ горъ, которыя выступили какъ бы массивныя прессъ-панье на безконечно стелющейся равнинѣ. Приближеніе массивныхъ, величественныхъ громадъ, вмѣсто обыкновенныхъ горокъ, къ которымъ мы присмотрѣлись, производитъ особое тревожное и пріятное ощущеніе. Я никогда не забуду перваго подъема на горы и созерцанія окружающаго вида. Первое впечатлѣніе—самое живое впечатлѣніе.

Хотя горы едва обрисовывались, но мѣстность замѣтно становилась волнистѣе. Нѣсколько разъ въ своемъ воображеніи я сравнивалъ эти волны, лежація какъ продолженіе да лекихъ возвышен-

ностей, со складками огромной зеленой мантии, спускающейся съ царственных алтайскихъ высотъ въ долины.

Къ моему удивленію, въ мѣстномъ нарѣчїи я нашелъ совершенно тождественное названіе „подоль горы“. Множество алтайскихъ деревень расположены на подоль, или на шлейфѣ, этой горной мантии. Среди видимыхъ горъ постепенно выступала темно-синяя или сизая сопка—это была Синюха западнаго Алтая (названіе синюхи, слишкомъ распространенное въ Алтаѣ, примѣнительно къ покрытымъ хвоею горамъ); настоящая Синюха была исторической замѣчательностью Алтая. Пока горы были видны, верстъ за 20 или за 30, на зеленыхъ поляхъ, тамъ и здѣсь, начали появляться каменные обнаженія,—это были куски неправильныхъ камней; чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе ихъ было набросано въ самомъ причудливомъ безпорядкѣ: они выступали остроконечными ребрами, валунами или накиданными кучами, но они не были безжизненными массами, порождавшими безплодіе каменистой пустыни; напротивъ, около каждаго изъ нихъ выбѣгала свѣжая зелень, ютилась березка, а иногда эти пирамиды осѣняло величественное дерево, охватывая живыми корнями подножіе камней. Въ этихъ сочетаніяхъ камней люди живаго воображенія отыскиваютъ сходство съ столами, мертвыми головами, профилями застывшихъ животныхъ, башнями, развалинами древнихъ замковъ и т. д. Чѣмъ далѣе въ горы, тѣмъ рельефнѣе выходятъ каменные обнаженія; появляются скалы известняка, гранита, мрамора. Иногда это виды цѣлыхъ разрушенныхъ городовъ и крѣпостей, цѣлыя поля какихъ-то нѣмыхъ и фантастическихъ изваяній природы, перемежающихся съ зеленью. Роскошная растительность осѣняетъ ихъ: здѣсь видна цвѣтущая жимолость, акація, калина, черемуха, а поля усѣяны пестрыми и яркими цвѣтами. Такова мѣстность близъ деревни Саушки при приближеніи къ Колыванскому озеру и Колыванскому заводу.

Колыванское озеро и гора Синюха съ расположенной у под-

ножія ея Колыванскою фабрикою — двѣ первыя замѣчательныя мѣстности, останавливающія взоръ путешественника въ преддверіяхъ Алтая. Слово „Колывань“ на большой сибирской дорогѣ (отъ Тюмени до Томска) пользуется весьма не завидной репутаціей: это дрянной заштатный городишко на утомительной, грязной дорогѣ; названіе „городъ“ въ примѣненіи къ нему вызываетъ обыкновенно презрительную улыбку въ проѣзжающемъ изъ Россіи. Городъ этотъ, собственно, административная фантазія; назначенный быть городомъ, онъ безпрестанно то оставляется за штатомъ, то снова возводится въ званіе города. Однажды онъ сбѣжалъ и квартировалъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, пока его не разыскали и вновь не водворили на предназначенныхъ пустыряхъ. Не то Колывань—Алтай. Когда это имя было дано первымъ Демидовскимъ заводамъ, открывшимъ драгоцѣнныя залежи руды; впоследствии оно присвоено было цѣлому намѣстничеству (въ 1792 г.). Нынѣ оно сохранилось какъ традиція и дано въ наслѣдство гранильной Колыванской фабрикѣ, о которой мы поведемъ рѣчь. Это же названіе носить одно изъ живописнѣйшихъ озеръ Алтая.

Колыванское озеро и Колыванская фабрика рѣдко посѣщаются проѣзжими, потому что они расположены въ глуши и вдали отъ главнаго сибирскаго тракта, но кто изъ путешественниковъ заглядывалъ сюда, выносилъ самыя яркія, самыя неожиданныя впечатлѣнія. Колыванское озеро, расположенное среди полуразрушенныхъ, вывѣтрившихся гранитныхъ породъ, перемежающихся съ полями свѣжей зелени и живописными лѣсками, окружено романтическимъ пейзажемъ и производитъ фантастическое обаяніе.

Разсказываютъ, что одна дѣвушка, привезенная сюда непредусмотрительными родителями для развлеченія и лѣченія отъ душевной болѣзни, бродя среди уединенныхъ скалъ и пропастей, совершенно помѣшалась. Люди болѣе здоровые не могутъ не почувствовать своего рода припадка романтизма. Ребенокъ, воспитанный въ этой мѣстности, въ лицѣ дочери одного инженера, получилъ пол-

ный отпечаток романтизма, въ исканіи опасностей, въ любви къ скаламъ, пропастямъ, дикой отвагѣ и склонности къ фантастическому и оригинальному. Даже суровые и закаленные путешественники, весьма равнодушные иногда къ красотамъ природы, не могутъ не почувствовать здѣсь восторговъ. Въ этомъ случаѣ мы сошлемся на впечатлѣніе, вынесенное знаменитымъ нашимъ ученымъ Щуровскимъ, доказавшимъ, что сердце геолога можетъ быть столь же воспріимчиво, какъ и сердце поэта.

„Чѣмъ болѣе вступалъ я въ этотъ гранитный хаосъ, тѣмъ скалы становились круче, громаднѣе, тѣмъ болѣе располагались рядами, раздѣленными между собою весьма глубокими и лѣсистыми долинами. Вершины горъ покрыты сосною и березою, а склоны ихъ и самыя долины поросли рябиною, черемухою, акаціею, жимолостью и другими кустарниками. Спускаясь нѣсколько разъ въ такія лѣсистыя долины и подымаясь на крутизны, я взбѣхалъ наконецъ на одну возвышенность, съ которой открылось предомною очаровательное зрѣлище.

„Колывань—озеро, какъ огромное круглое зеркало, лежало въ весьма фантастической рамѣ, между самыми живописными гранитными скалами. Безъ всякаго преувеличиванія найдете тутъ всѣ возможные сравненія съ древними замками, съ развалинами готическихъ зданій, съ падающими башнями, со многими искусственными произведеніями, съ нѣкоторыми животными и человѣческими фигурами. При первомъ взглядѣ на Колывань-озеро, на эту величественную картину, невольно обращается къ нему все вниманіе.

„Перебѣгая взорами отъ одного предмета къ другому, ни на чемъ не можешь остановиться; хотѣлось бы однимъ разомъ все впечатлѣть въ своей памяти. Я долго стоялъ на берегу озера, прислушиваясь къ шуму и плеску волнъ. Было довольно вѣтрено, волны непрерывно неслись къ берегу и съ пѣною расшибались о гранитный утесъ, у подошвы котораго я любовался картиною“.

Здѣсь знаменитый ученый продекламировалъ „Утесъ“ — Бенедиктова и съ сожалѣніемъ оставилъ прекрасное Колывань-озеро.

Мы видѣли это озеро въ тихую погоду, когда розовые и голубые блики тихо скользили по немъ; свѣтлая зелень то тамъ, то здѣсь обрамляла берега, уставленные причудливыми пирамидальными скалами, какъ бы изъ саженныхъ друидскихъ жертвенниковъ, за которыми виднѣлись цѣлые парки, рощи, луга, уходя въ даль и сливаясь съ синевою зубчатыхъ, причудливыхъ горъ. Мѣстами на берегу лежали цѣлыя чаши и валуны гранита; чистыя воды озера вымывали крупный гранитный песокъ. Безмолвіе. Но тихіе, смѣняющіеся переливы цвѣтовъ, отраженіе причудливыхъ контуровъ въ водѣ дѣлали видъ действительно оригинальнымъ. Къ сожалѣнію, окружающее было пустынно: здѣсь нѣтъ швейцарскихъ шале, бесѣдокъ, скамеекъ, памятниковъ, надписей; какой-то полуразрушенный навѣсъ около одинокой скалы сохранялъ слѣды посѣщеній мѣстныхъ любителей природы. Окружающія деревни слишкомъ погружены въ неустанныя заботы о хлѣбѣ; среди горькой крестьянской жизни имъ не до прекрасныхъ видовъ. Поэтому Алтай отличается отъ настоящей Швейцаріи тѣмъ, что здѣсь, чтобы полюбоваться прекраснымъ берегомъ рѣки, приходится пробираться чрезъ грязную скотскую стойку — какъ не разъ приходилось намъ — или среди величественныхъ, чарующихъ душу картинъ, оставаться одинокому, подавленному природою. Это впечатлѣніе пустыни грозной и торжественной, свойственное сибирской, не оживляемой присутствіемъ человѣка, природѣ, создаетъ нѣсколько грустно-меланхолическое настроеніе, но рядомъ съ набожно-созерцательнымъ. Вы видите, что пустыня здѣсь бесѣдуетъ только съ Богомъ.

Иногда видъ угрюмыхъ горъ производитъ тягостное впечатлѣніе, испытываемое, когда темныя горы, какъ синія чудовища или огромные киты, окружаютъ, сдавливаютъ долину. Порою кажется: вотъ, вотъ они дохнутъ, пошевеливаются; можетъ быть, та-

ково чувство зарождающагося въ душѣ человѣка пантеизма *).

Близъ деревни Верхне-Ульбинской, среди этихъ суровыхъ громадъ, мы увидѣли грустное дополненіе—мрачную скалу, украшенную крестомъ. Какой-то одинокій, закинутый судьбой мечтатель бросился съ этой скалы. Крестьянка, свидѣтельница этого событія, передавала намъ его такъ: закинутый сюда чиновникъ собирался уѣзжать, сильно скучалъ и ходилъ ежедневно на скалу, гдѣ просиживалъ часы; разъ онъ взомель, и женщина, работавшая въ огородѣ, увидѣла летѣвшаго со скалы несчастливца. „Какъ мотылекъ (бабочка) вился“, говорила она. Онъ упалъ въ трещину скалы. Говорили, что у него была несчастная любовь; но смерть не выдала тайны. Скала стоитъ среди мѣстности, откуда открывается величественная панорама; у подножія ея лежитъ огромный лугъ, вдали—высящіяся громады, подъ ногами—бездна. Можетъ быть, подобныя бездны, какъ струящаяся рѣка, имѣютъ иногда безотчетно манящее и кружащее голову притяженіе.

Въ различныхъ мѣстахъ Алтая попадаются эти кресты на скалахъ, какъ памятникъ гибели людей, какъ предупрежденіе, что эти прекрасныя и очаровательныя мѣста скрываютъ свои бездны, которыя поглощаютъ жизни. Это долженъ помнить путешественникъ.

За нѣсколько верстъ отъ Колыванскаго озера, у подножія Синюхи, лежитъ заводское селеніе съ Колыванской фабрикой. Окружающая его мѣстность представляетъ также не малый интересъ. Около этихъ мѣстъ зародилось рудное дѣло Акифія Демидова, поставившаго въ 1727 году, близъ Синей сопки, первый плавильный заводъ въ 10 печей. Скоро, однако, за недостаткомъ лѣса плавка была сокращена и осталось 6 печей. Въ 1766 году заводъ приостановленъ, пока выростетъ лѣсъ. Въ 1799 году заводъ былъ совершенно упраздненъ, и на мѣсто его переведена Локтев-

*) Такъ возникала древняя религія. Доселѣ у алтайскихъ инородцевъ Алтай—живое существо.

ская шлифовальная фабрика. Здѣсь была открыта первая руда, а впоследствии—серебро.

Несмотря на то, что Демидовъ успѣялъ заводами эту мѣстность и открылъ неисчерпаемыя богатства, заводы не остались въ его рукахъ. Вскорѣ за открытіемъ мѣдныхъ рудъ, люди Демидова разыскали серебро; металлы отыскивались по старымъ чудскимъ копиямъ и шурфамъ, гдѣ люди мѣднаго вѣка проложили дорогу новой культурѣ. Преданія гласятъ, что Демидовъ, открывъ серебро, удерживалъ это въ тайнѣ и тайкомъ выплавлялъ его, что открылось, благодаря измѣнѣ штейгера. Тогда послѣдовало высочайшее повелѣніе императрицы Елизаветы Петровны — обревизовать рудники бригадиру Бееру, сдѣлать пробы и отобрать рудники у Демидова. Такъ и было сдѣлано: серебро нашлось, о чемъ ужъ заявилъ и самъ Демидовъ. Въ 1747 году предписано было принять Бееру рудники и въ уплату засчитать недоимки, слѣдующія съ Демидова за его людей въ казну (см. Палласъ, Щуровскій). Съ этого времени всѣ рудники и заводы, въ томъ числѣ и Колыванскій, находятся въ вѣдѣніи Кабинета. Такимъ образомъ, около Колыванской фабрики началась исторія всего горнаго алтайскаго дѣла.

Синюха представляетъ красивую, выдающуюся сопку, поросшую когда-то прекраснымъ, темнымъ лѣсомъ; у подножія ея раскинуто Бѣлое озеро, болѣе скромнаго характера, чѣмъ Колыванское. Дорога къ заводскому селенію выложена и идетъ по шоссе. Сама фабрика представляетъ хорошенькую игрушку; около нея есть живописная скала, гора Синюха для прогулокъ, увеселительный карбазъ на озерѣ и архитектурная часовня въ селеніи изъ цѣльнаго камня съ мозаикой. Мы позволимъ себѣ, однако, остановиться болѣе на трудовомъ и производительномъ значеніи этой единственной въ Сибири гранильной фабрики.

Всѣмъ извѣстно значеніе Екатеринбурга, славящагося каменными и гранитными произведеніями,—они расходятся по всей Россіи; уральскіе камни получили общую извѣстность. Но едва ли

многіе знаютъ о подобныхъ же произведеніяхъ Алтая, или, по крайней мѣрѣ, видя ихъ, не подозрѣваютъ въ блестящихъ, иногда удивительнаго размѣра подѣлкахъ — отдаленное происхожденіе ихъ изъ нѣдръ далекой Сибири, изъ недоступныхъ горъ Алтайскихъ, несомнѣнно болѣе величественныхъ и прекрасныхъ, чѣмъ Уралъ, и таящихъ не меньше сокровищъ. Въ геологическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ Алтай представляетъ массу рѣдкостей: „самоцвѣтные камни“ составляли предметъ древнѣйшихъ изысканій. Гранильная мастерская была устроена сначала въ Доктевскомъ заводѣ на Алесѣ и къ концу прошлаго столѣтія перенесена на упраздненный Колыванскій заводъ. Понемногу здѣсь начали выдѣлываться чудовищной величины бездѣлушки и украшенія. Въ 1859 году здѣсь были выдѣланы три яшмовыя колонны, цѣною въ 13,147 р.; въ 1860 году — три колонны изъ зеленой яшмы, каминь и вазы изъ зелено-фіолетовой карганской яшмы, на 16,506 рублей; въ 1862 году — три колонны изъ ревневской яшмы, на 10,183 руб.; въ 1862 г. — каминь изъ зелено-волнистой ревневской яшмы и ваза изъ сѣро-фіолетовой карганской, на 7,150 руб.; въ 1863 г. — одинъ каминь и чаша съ приборомъ изъ карганской и другой каминь изъ ревневской яшмы; въ 1865 г. приготовлены мелкія вещи изъ карганской и ревневской яшмы, окаменѣлаго дерева (агата), гальцовской яшмы и ваза въ діаметръ 16 верш. изъ карганской яшмы, все на сумму 11,570 р. Такимъ образомъ, Колыванская фабрика наполнила нашъ эрмитажъ и множество дворцовъ самыми дивными произведеніями. Оцѣнка этихъ предметовъ, произведенная на деньги, далеко ниже ихъ дѣйствительной стоимости. Предметы эти производились при обязательномъ трудѣ, такъ какъ къ заводамъ было приписано все алтайское населеніе и въ распоряженіе ихъ рекрутировалось множество мастеровыхъ, взаменъ военной службы. Сюда свозились цѣлыя скалы и остовы камней изъ далекихъ, неприступныхъ высотъ алтайскихъ хребтовъ. Риддерская ломка находится за 346 верстъ отъ фабрики; здѣсь выламываютъ зеленую съ розовыми

пятнами брекчю для выдѣлки крупныхъ предметовъ. Въ 140 верстахъ стоитъ Карганская каменоломня, немного выше большого и малаго Каргановъ, впадающихъ въ Чарышъ въ дикомъ ущельи съ отвѣсными скалами, угесами, безднами и вѣчно грохочущими ручьями, которые носятъ мѣстное названіе „громотухъ“, „шумилухъ“ и т. п.

Выломать и вывезти отсюда камни стоило неимовѣрныхъ усилій. Старожилы рассказывали, что камень для яшмовой чаши изъ Каргана тащили на себѣ 200 человекъ. Эти тяжести плавятъ по горнымъ рѣкамъ, потомъ везутъ гужомъ. Чего стоитъ одна перевозка!

Затѣмъ камни начинали обдѣлываться, граниться. Это продолжалось цѣлые года. Мы видѣли эту работу на фабрикѣ. При насъ создавалась чаша изъ мрамора и яшмы; ее работали уже два года, и она должна была по новымъ цѣнамъ стоять около 27,000 р. Это была дѣйствительно изящная чаша изъ зеленой яшмы. До 40 мастеровыхъ занято ежедневно работой на станкахъ. Всѣ гранильные станки приводятся въ движеніе однимъ водянымъ колесомъ, которое связано блокомъ и шкивомъ съ отдельными станками; около каждаго сидитъ со впалой грудью мастеровой и съ утра до вечера направляетъ камень по точилу съ наждакомъ. Чтобы оцѣнить эту тяжелую работу достаточно сказать, что сдѣлать какую нибудь ничтожную пепельницу нужно недѣлю труда; огранить какое нибудь прессъ-панье нужно работы мѣсяць и болѣе, — сколько же нужно было имѣть времени для огромныхъ подѣлокъ, требующихъ искусства! Для частныхъ заказчиковъ мало-мало сносныя вещи обходятся въ 30—40 р.; поэтому, заказовъ почти нѣтъ. Жалованье рабочіе получаютъ: при ежедневной работѣ, лучшимъ мастерамъ 150 р. въ годъ; обыкновенные работники получаютъ отъ 6 р. до 9 р. 30 к. въ мѣсяць, мальчики — 3 р. и 4 р. 50 к. въ мѣсяць. Поденная плата рабочимъ 20 и 25 к., мальчикамъ даютъ 10 и 15 коп. Жалованье это нѣсколько ниже, чѣмъ платятъ въ хорошее время

крестьянинъ своему рабочему. Экономическое положеніе мастеровыхъ, поэтому, крайне неудовлетворительно. Заводское селеніе представляетъ всегда крайне бѣдный видъ: убогіе, покосившіеся домики, иногда съ брѣшиною въ окнахъ; хозяйства около этихъ домишекъ — никакого.

Видомъ и удобствомъ отличается развѣ единственный домъ — управляющаго. Надо отдать справедливость: гдѣ мы ни заѣзжали въ Алтайскомъ горномъ округѣ, мы находили всегда въ домахъ управителей казеннымъ хозяйствомъ самый изысканный комфортъ, дорогую мебель, художественныя произведенія, прекрасныхъ лошадей и т. д. Подобная жизнь стоила, при выпискѣ всего изъ столицъ, отъ 5 до 10,000 р. въ годъ. О получаемомъ содержаніи мы не имѣемъ понятія.

Всегда около подобныхъ домовъ разбиты прекрасные сады; ихъ украшаютъ клумбы цвѣтовъ, уединенныя бесѣдки, иногда изъ сосѣдняго пруда проведенъ фонтанъ. Здѣсь вы услышите фортепіано, увидите модный петербургскій романъ, встрѣтите иллюстрированный журналъ, найдете завтракъ съ прекрасными винами, вкусную сигару. Путешественники здѣсь никогда не жалуются, напротивъ — разсыпаются только въ благодарностяхъ, и лично, въ смыслъ ублаженія собственной особы, желать имъ нечего. Барнаулъ особенно любитъ угощать путешественниковъ, и даже знаменитые желудки бременской экспедиціи, отличавшіеся огромнымъ истребленіемъ яствъ и питій, чему подивились даже сибиряки, остались вполне довольны, такъ какъ ихъ угощали и дупельшне-пами, и шампанскимъ: подобные обѣды стоили нѣсколько сотъ рублей.

Казенное хозяйство Колыванской фабрики гораздо меньше другихъ заводовъ, такъ какъ на содержаніе ея отпускается всего 20,000 р. въ годъ. Жизнь служащихъ здѣсь, поэтому, болѣе скромная. Обыкновенно сносною жизнью пользуются нарядчики, мастера; остальные рабочіе влчатъ весьма жалкое существованіе. Не рѣдкость семья, гдѣ хозяинъ или взрослый работникъ-сынъ,

вѣчно сидя за станкомъ, вкладываетъ въ общій бюджетъ не болѣе 6 р. въ мѣсяцъ, а въ семействѣ безпомощная мать-старуха, сестры. Остатокъ времени отъ заводской работы ничтожный, сбыта сдѣланныхъ на дому произведеній нѣтъ. Между тѣмъ, потребности мастерового шире крестьянскихъ: онъ носитъ пиджакъ, семейство привыкло всякій день къ чаю—и вотъ этотъ забитый, сухощавый человекъ всю жизнь борется за мало-мальское удовлетвореніе своего существованія; вѣчно кругомъ его блѣдныя лица, вѣчные вздохи, жалобы, безмолвіе и монотонный звукъ колеса съ равняго утра далеко за полночь. Несмотря на то, что рабочій получаетъ самый скудный заработокъ въ 6 и 8 рублей на фабрикѣ, около него появились своего рода науки и эксплуататоры, эти спутники нужды и неудовлетворяемыхъ потребностей, акулы экономического безпорядка, носящіяся вездѣ, гдѣ ожидаются труды рабочихъ. Какъ бы ни были скромны потребности мастерового, но при скудномъ заработкѣ, при разныхъ случайностяхъ необходимо кредитъ и заемъ, и вотъ почти въ каждомъ заводѣ является благодѣтель, открывающій лавочку или снабжающій нуждающихся въ счетъ жалованья. Такія лавочки на прискахъ и на заводахъ держатъ многіе служащіе или ихъ жены. На Колыванской фабрикѣ также свой ростовщикъ, онъ же и мелкое должностное лицо на заводѣ. Онъ успѣлъ закабалить рабочихъ такъ, что они имѣютъ необходимость въ полученіи жалованья, не дослуживъ еще мѣсяца, для того, чтобы купить для своего многочисленнаго семейства жизненныхъ припасовъ, безъ которыхъ обойтись невозможно. Жалованье проходитъ черезъ руки этого лица, и благодѣтельная супружница его завела лавочку. Ростовщичество мелкое, на гроши, но тѣмъ не менѣе разорительное для мастерового. Нужны деньги, а ему навязываютъ чай, гнилую матерію; предметъ стоитъ 1 рубль, а ставятъ два. Но чай не нуженъ, нужны деньги; получивъ товаръ, остается продать его за полцѣны; самому же заемщику остается вмѣсто нужнаго рубля—полтинникъ, а на счету два рубля, вычитаемыхъ при жалованьи. Эта запись

„бѣда“ рабочаго люда: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Прежде, когда былъ крѣпостной заводскій трудъ, до 19-го февраля 1861 г., мастеровой долженъ былъ работать лѣтъ 30 обязательно за одинъ паекъ. Теперь онъ свободенъ уйти съ фабрики, но его связала уже специальность. Занялся бы онъ земледѣлемъ, да какой онъ земледѣлецъ, — нѣтъ силы въ рукахъ, грудь высохла, и онъ идетъ, понуривъ голову, къ своему станку. Не много радостей, не много свѣтлыхъ минутъ въ жизни у подобнаго человѣка. У дѣвушки первыя минуты весны, когда играетъ румянецъ, трепетно замираетъ сердце, блещетъ дѣвичій глазъ и чутко прислушивается дѣвичье ухо: „гдѣ онъ, милый, гдѣ желанный?“ Онъ придетъ въ видѣ лихого чернокудраго парня мастерового, подарить ей жгучій поцѣлуй; наступитъ праздникъ на нѣсколько дней, шитье скромнаго приданаго, дѣвичьи пѣсни, свадебный пиръ; а затѣмъ потянется монотонная жизнь труженицы-матери, горькая нужда, плачь дѣтей и плачь надъ дѣтьми. Отблескъ первой зари скроется въ свинцовыхъ тучахъ безутѣшной жизни. Еще мимолетныя минуты веселья мастерового. Развивается ли онъ вполнѣ, цвѣтеть ли онъ когда съ дѣтства за вѣчнымъ станкомъ — мы не убѣждены; но вотъ выровнялся парень, вышелъ молодецкой поступью въ картузѣ на бекрень, съ гармоніей, — съ ухорской пѣсней вышелъ онъ въ праздникъ на заводское село. Первый хороводъ, первая любовь — это также его весна. Его встрѣчаетъ кругъ товарищей, залихватская пѣсня и первая чарка, чарка заразъ опорожненная, отуманившая голову, взбунтовавшая кровь, разгорячившая фантазію, распахнувшая дружбу. Но скоро пройдетъ это юное веселье, и станетъ эта чарка отравою рабочаго: онъ кинется къ ней забыть нужду, непріятности, — наступитъ дикій, безобразный загулъ, циническая, пьяная пѣсня сорвется съ усть, брань, проклятiя; въ эти дни солнце будетъ стоять надъ нимъ зловѣщимъ кровавымъ пятномъ... а потомъ еще скучнѣе, еще тяжелѣе потянется жизнь подъ монотонный звукъ рабочаго колеса. Эта чарка сокрушитъ организмъ, работа пригнетъ, прису-ту-

лить его, угрызеніе совѣсти помутитъ взоръ и заставитъ опустить его долу, тревожный лихорадочный взглядъ будетъ бѣгать, отыскивая бесполезно выхода; на блѣдномъ и тускломъ лицѣ выступитъ истома, появится робость и принужденность въ движеніяхъ бѣднаго человѣка. Таковъ типъ мастерового.

Не удовлетворяемый заработкомъ на фабрикѣ, мастеровой пробовалъ искать выхода въ работѣ на дому. Онъ собираетъ остатки яшмъ, порфировъ, агатовъ, и дома на станкѣ гранитъ печатки, запонки, прессъ-панье. Вещи эти онъ готовъ сбыть необыкновенно дешево, но въ бѣдномъ селеніи частныхъ заказовъ нѣтъ, фабрика заброшена въ глуши, о ней никто не знаетъ, и обдѣланные яшмы, порфиры, агаты, пестрѣя яркой мозаикой, валяются такъ же, какъ и ихъ первообразъ—неотдѣланный камень, въ глухихъ и безвѣстныхъ пустыняхъ Сибири. Екатеринбургскіе счастливыцы соперничаютъ на рынкѣ и заняли дорогу. Неимѣніе частныхъ заказовъ, недостатокъ сбыта, отсутствіе помощи рабочему, отсутствіе правильнаго кредита при помощи ссудныхъ товариществъ, недостатокъ обученія мастеровыхъ лучшимъ видамъ гранильнаго искусства (работіе дѣлаютъ вещи по допотопнымъ фасонамъ), вотъ что останавливаетъ развитіе этого дѣла на Алтаѣ. Заведеніе это, поэтому, находится на степени паденія. Наступитъ ли другое время процвѣтанія промышленности на Алтаѣ, образуется ли болѣе выгодный сбытъ труда, явится ли гуманная, благодѣтельная рука на помощь истощенному мастеровому, вмѣсто стараго ростовщика,—это вопросы будущей жизни Алтая.

Горный алтайскій районъ переживаетъ еще переходную эпоху, послѣ крѣпостного заводскаго груга. Слѣды горькаго прошлаго кое-гдѣ видны ясно; нерѣдко въ заводскихъ селеніяхъ встрѣчаются отставные мастеровые, хилые, старые и больные. Если среди здоровыхъ рабочихъ вы встрѣчаете обыкновенные признаки бѣдности, то отставные мастеровые—голый пролетаріатъ завода и уличные нищія, оставленные здѣсь, какъ наслѣдіе крѣпостного права. Это безпомощные старики въ отрешьяхъ, изможденные, съ

высохшими руками, иногда выгнанными глазами, выкрикивающіе хриплыми жалобами, — валяющіеся въ ногахъ и молящіе о прощаніи.

Отставной мастеровой не пользуется ничѣмъ; онъ потерялъ силы на работѣ, изболѣлъ. Нѣкоторые изъ нихъ добиваются трехрублевой пенсіи, на это скудное награжденіе не пропитывается. Для нихъ необходима была бы богадѣльня, но ея нѣтъ. Эти живые, полусгнившіе трупы производятъ тяжелое впечатлѣніе въ заводскихъ селеніяхъ. Видъ этихъ людей, какъ и быта приниженныхъ, хилыхъ фабричныхъ, составляетъ поразительный контрастъ съ земледѣльческимъ населеніемъ окружающихъ деревень, гдѣ доселѣ сохранилась сильная раса. Типъ заводскихъ мастеровыхъ и фабричныхъ рѣзко отличается отъ сосѣднихъ крестьянъ. Фабричные мастеровые отличаются отъ рабочихъ рудниковъ и заводовъ, — послѣдніе исключительно заняты тяжелыми земляными рудничными работами и плавкой металла. Одна жизнь — циклоповъ, другая — саламандръ. Эти заводскіе рабочіе носятъ мѣстное названіе „бергаловъ“. Бергаль — грозное имя для окружныхъ мѣстностей. Типъ настоящаго бергала контрастъ робкихъ мастеровыхъ Колыванской фабрики. Необыкновенный физическій трудъ развилъ у него нѣкоторые органы въ ущербъ другимъ. Отъ сильнаго напряженія рукъ пальцы толстѣютъ; руки, выбрасывающія 1200 пуд. земли въ день, работающія киркой о камень — не руки, а лапы; кулакъ напоминаетъ гирю; отъ усиленнаго постоянною работою кровообращенія, увеличиваются въ объемъ органы дыханія и двигатель крови — сердце, — раздражительное сердце; грудь выдается колесомъ. Бергаль въ работѣ звѣрь. Пустую, но напрасную обиду ни за что не снесетъ. Выругаетъ такъ, что любая барыня, услышавъ, упала бы въ обморокъ, или, еще хуже, угоститъ палкой, или ломомъ. Слыша надъ собой вѣчно брань, онъ самъ олицетворенная хула. Человѣкъ давно безъ собственности, безъ будущности, онъ беззавѣтенъ, беспеченъ, разгуленъ, дерзокъ; вѣчно съ насмѣшкой на устахъ; онъ не привыкъ къ жалости, ибо онъ не видалъ ея; озлобленный, беспощадный, онъ — гроза, куда появляется.

Этотъ заводскій пролетарій давно потерялъ образъ мирнаго, благодушнаго крестьянина. Вотъ что писалъ про алтайскихъ рабочихъ одинъ бытописатель: „Въ заводскихъ рудникахъ живутъ мастеровые. Мастеровые, происходя изъ крестьянъ, поступающихъ по очереди въ рекруты, разительно измѣняютъ свой характеръ, дѣлаясь по большей части грубыми и склонными къ побѣгамъ, даже къ убійствамъ. Особенно склонны къ этому находящіеся въ работѣ въ горахъ, такъ что нерѣдко посягаютъ на убійство своихъ начальниковъ. Въра ихъ православная и обряды религіи исполняютъ они постоянно при наблюденіи заводскаго начальства“ (Данилевскій, описаніе Бухтарминскаго края). Къ этой довольно казенной характеристикѣ недоставало только одного объясненія: отчего такими эти люди дѣлались? Какъ вырождались захудалые мастеравые или озлобленные изъ окружающаго могучаго и нравственнаго крестьянскаго населенія—это можетъ рассказать только исторія.

Надъ Алтаемъ носятя еще легенды и рассказы о недавнихъ прошлыхъ временахъ крѣпостнаго заводскаго труда. Сядешь гдѣ нибудь на заваленку подъ навѣсомъ, въ жаркій день, и слушаешь отъ стариковъ повѣсть о бывшихъ управителяхъ, заводскихъ распорядкахъ, повинностяхъ возить руду, обжигать уголь. Не рѣдко эти рассказы, ведущіеся тихо, незлобиво, пробуждаютъ невольно дрожь. Страшное время, благо тебѣ, что ты кануло въ вѣчность! Да не повторись ты болѣе надъ бѣднымъ русскимъ народомъ. Да спасеть его Всевышній!

Сильная алтайская раса, однако, не исчезала съ разу. Память объ алтайскихъ богатыряхъ сохранилась въ рассказѣ о карганскихъ разбойникахъ:

Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ самыхъ дебряхъ Алтая, около Карганскаго хребта, по р. Карганъ, впадающей въ р. Чарышъ, была поставлена каменоломня. Здѣсь начали ломать знаменитыя яшмы; окружное крестьянское населеніе, и въ томъ числѣ деревня Карганская, привлечены были къ повинности. Дикая и грандіозная мѣстность окружала Карганъ и сосѣднюю деревню Чечулиху.

Къ югу отъ Чарыша тянутся Карганскіе бѣлки, къ сѣверу Башалацкіе. Эти хребты доходятъ до снѣговой линіи, и бѣлыя пятна снѣга лежатъ на высотахъ цѣлое лѣто; горныя рѣки и ручьи летятъ здѣсь съ страшнымъ шумомъ; на каждомъ шагѣ вздымаются дикія скалы. Но окрестности представляютъ до того величественный видъ, что заставляютъ забывать объ опасности. Здѣсь-то, въ борьбѣ съ природой, развертывались могучія силы крестьянства. Онѣ поднимались на горы, спускались въ бездны и везли отсюда огромные камни. Что за порода людей воспиталась здѣсь, можно судить по силачамъ братьямъ Бѣлоусовымъ, которые должны играть роль въ дальнѣйшемъ разсказѣ. Старшій братъ поднималъ, говорятъ, шуромъ (ломомъ) двадцати-пяти пудовыя глыбы камней; младшій братъ былъ подобной же силы, а сестра ихъ останавливала на бѣгу коня за гриву. Такіе люди жили въ Карганѣ. Долго на немъ было тихо, и смирно, послушно доставлялся камень, чудодѣйственно добываемый изъ неприступныхъ высотъ. Вдругъ до заводскаго начальства въ Колывани донесся слухъ: „Карганъ взбунтовался и ушелъ разбойничать“. Предводителями явились силачи братья Бѣлоусовы.

Преданіе говоритъ, что было двадцать разбойниковъ, всѣ молодецъ къ молодцу.

— Зачѣмъ же, дѣдушка, ушли они? спрашиваете вы маститаго разсказчика.

— Свое царство хотѣли въ Бѣлкахъ основать.

— Какое же они царство въ Бѣлкахъ могли основать?

— Воли захотѣлось, работа не подъ силу стала.

Силачи были Бѣлоусовы и съ ними Чахловы, никого не страшились; выйдутъ въ долину, начнутъ стрѣлять, скотъ у крестьянъ забирали, порохъ, винтовки, а потомъ уйдутъ опять въ горы; въ пещерахъ спасались. Наконецъ казака убили. Начальство согнало страсть народу: 400 человекъ крестьянъ было, до 100 казаковъ. Разбойники кинулись въ хребты, гдѣ невозможно было пройти; они, взбираясь сами, привязывали лошадей на арканы и

поднимали ихъ чрезъ бѣлки. Но ихъ повсюду преслѣдовали. При переправѣ черезъ одну рѣчку убитъ былъ старшій братъ. Наконецъ, разбойниковъ окружили—приходилось сдаться. „Не вяжите насъ, такъ пойдемъ, веревки не помогутъ!“ говорилъ одинъ изъ Бѣлоусовыхъ, зная свою силу.

Его связали сыромятными ремнями. „Крѣпче“, говорилъ онъ. Но когда былъ связанъ, онъ выпрямился и ремни лопнули; только огромныя деревянныя вилы остались надѣтыми на плечи и привязанныя къ нимъ руки спереди, да деревянныя колодки на ногахъ.

Усмирили эту силу. Бѣлоусовы были жестоко наказаны и сосланы. Преданіе о Бѣлоусовыхъ подтверждается и разказомъ ботаника Бунге, путешествовавшаго въ Алтаѣ въ 1826 г. Выходя изъ Колывани онъ уже слышалъ, что на Карганѣ не спокойно. Карганскую деревню онъ нашелъ опустѣвшею. „Жители деревни Карганской, служившіе рабочими на каменоломнѣ, были недовольны падающими на ихъ долю трудами, покинули деревню и, удалясь въ сосѣднія горы, образовали здѣсь разбойничью шайку. Въ деревнѣ находились только старики и жены бѣглецовъ“. (Путешеств. д-ра Бунге). Бунге удалось даже встрѣтиться съ разбойниками въ деревнѣ Чечулихѣ. А къ довершенію случайностей, у него былъ даже проводникъ изъ Колывани, младшій братъ Бѣлоусовыхъ, какъ ловкій и сильный мастеровой. 12 апрѣля, послѣ ботанической экскурсіи, одинъ изъ рабочихъ, проживавшихъ въ Чечулихѣ и думавшій возвратиться домой, принесъ извѣстіе, что на него напали близъ деревни разбойники и взяли въ плѣнъ его товарища. Бунге хотѣлъ послать своего проводника для переговоровъ, какъ вдругъ около деревни раздался выстрѣлъ, произведшій смятеніе. Проводникъ возвратился и объявилъ, что разбойники уже подлѣ самой деревни. Далѣе мы передаемъ буквально разказъ Бунге.

„Крестьяне ломились въ комнату Бунге и просили его о защитѣ, которой онъ не могъ имъ оказать, потому что и самъ находился въ безпомощномъ положеніи. Однако же онъ рѣшилъ, что лучше всего идти ему самому къ этимъ людямъ и отговорить ихъ

отъ всякаго насилія, какъ относительно крестьянъ, такъ и его самого. Двое изъ людей доктора послѣдовали за нимъ. Онъ спустился съ поката горы и съ изумленіемъ увидѣлъ двѣнадцать здоровенныхъ человекъ верхами, изъ которыхъ каждый былъ вооруженъ одною или двумя винтовками, парю пистолетовъ, саблею и длиннымъ ножомъ. Одинъ крестьянинъ, передъ домою котораго они остановились, принесъ ведерную бутылъ водки, чтобы ихъ умиловить. Когда Бунге подошелъ къ нимъ, они поклонились ему и назвали его по имени, желая этимъ показать, что хорошо его знаютъ. Онъ сталъ увѣщевать ихъ и просилъ отъ имени цѣлой деревни не дѣлать никакого насилія крестьянамъ, ни ему, такъ-какъ впослѣдствіи они будутъ строго наказаны. Они увѣряли, что ему, какъ доктору, который необходимъ для каждаго, нечего ихъ бояться, потому что они и сами раньше были обязаны своею жизнію искусству доктора; что они часто видѣли его во время экскурсій и готовы помогать ему во всемъ, въ чемъ онъ будетъ нуждаться, дѣлить съ нимъ въ горахъ пищу и питье, снабжать лошадми для верховой ѣзды, а гдѣ нельзя проѣхать, — перенесуть его на рукахъ, потому что онъ, докторъ, какъ они слышали, хорошо обращается съ ихъ братомъ. Затѣмъ они провозгласили его здоровье, выпили вина и просили его отвѣчать на провозглашенный тостъ. Отговорки Бунге ни къ чему не послужили, а потому, и желая облегчить положеніе крестьянъ, онъ долженъ былъ исполнить желаніе разбойниковъ. Только это также не совсѣмъ помогло. Скоро бутылъ водки стала пуста, потому что собравшіеся крестьяне также принуждены были выпить. Общество стало шумнѣе и пошло теперь изъ дома въ домъ. Добромъ или силою разбойники требовали и брали все, что имъ было нужно, а въ особенности винтовки, порохъ, деньги, и т. п. Хозяинъ Бунге, самый богатый крестьянинъ въ деревнѣ, котораго они особенно имѣли въ виду, долженъ былъ заплатить 50-ю рублями и многими вещами. Велѣдствіе усиленной просьбы разбойниковъ, докторъ угостилъ ихъ также виномъ и былъ очень радъ,

что отдѣлался такъ дешево. Сдѣлавъ обходъ по всей деревнѣ, разбойники хотѣли сперва переправиться черезъ Чарышъ, но такъ какъ большая часть изъ нихъ были пьяны, да и вода въ рѣкѣ прибыла, то нѣкоторые изъ нихъ рѣшились переночевать на этой сторонѣ и испросили на это разрѣшеніе Бунге. Шумъ дѣлался сильнѣе. Крики ихъ, безпрестанные выстрѣлы холостыми зарядами изъ пистолетовъ, ихъ воинственный видъ, ревъ вѣтра, плачь женщинъ, лай собакъ, шумъ Чарыша, все это мѣшалось и составляло обстановку сцены, которая наводила страхъ. Наконецъ, Бунге привелось прекратить еще сильный споръ, возникшій между нѣкоторыми разбойниками и его проводникомъ, котораго они уговаривали идти вмѣстѣ съ ними.

Такъ какъ братья принудили его пить и онъ былъ сильно пьянъ, то прибѣгъ скоро къ насилію, которое могло бы имѣть дурныя послѣдствія, потому что это былъ человѣкъ необыкновенно сильный и, доведенный почти до бѣшенства, готовъ былъ убить кого-либо изъ разбойниковъ.

Съ пособіемъ одного изъ своихъ людей докторъ успѣлъ, однако-жь, похитить у него ножъ и заряженную винтовку; потомъ, при помощи другихъ, его утащили и заперли. Разбойники расположились около большого огня, а жители нанесли имъ всевозможныхъ припасовъ на ужинъ. Шумъ продолжался цѣлую ночь. Но нѣкоторые разбойники, менѣе пьяные, смотрѣли за порядкомъ, имѣя постоянно въ виду неожиданное нападеніе: у нихъ не только были заряжены винтовки и пистолеты, но приготовлены патроны и пули, чтобы, въ случаѣ надобности, скорѣе заряжать.

На другой день хозяинъ Бунге угостилъ ихъ чаемъ, и они отправились далѣе. День былъ холодный и пасмурный; шелъ то дождь, то снѣгъ; Чарышъ сильно взволновался, такъ что было затруднительно переправиться. Многіе разбойники усѣлись въ лодки, которыя часто черпали краями воду, но нѣкоторые совершенно раздѣлись и пустились вплавь, держась за хвосты лошадей.

Быстрота теченія уносила ихъ далеко; часто лошадь и человекъ на минуту скрывались подъ водою.

Такимъ образомъ, рассказъ очевидца-путешественника вполне подтверждаетъ свидѣтельство о силѣ и выносливости этихъ людей.

До сихъ поръ въ горахъ на Бухтармѣ, среди „каменщиковъ“ охотниковъ и на уединенныхъ трактахъ попадаются люди необыкновеннаго сложенія, крѣпости, полные отваги, смѣлости и отличающіеся полнымъ крестьянскимъ благодушіемъ. Въ деревнѣ Калкамонкѣ на Бійской линіи мы видѣли сами дѣвицу, имѣвшую 64 сантиметра, или 1 аршинъ, въ плечахъ, и поднимавшую, по словамъ отца, до 12 пудовъ. Это потомки алтайскихъ раскольниковъ, о которыхъ мы когда нибудь будемъ вести рѣчь.

Самое мрачное время миновало для Алтая съ освобожденіемъ подзаводскаго населенія 19 февраля 1861 года. Алтай переживаетъ еще переходную эпоху, но заря новой жизни уже золотитъ вершины его прекрасныхъ горъ болѣе свѣтлыми лучами будущаго. Отовсюда въ плодоносныя долины Алтая спускаются трудолюбивые переселенцы колонисты, стекаясь со всѣхъ сторонъ земли русской и ища здѣсь приволья послѣ тяжкаго малоземелья. Привѣтливъ эти луга, безконечны пространства, душисты и ароматичны травы, весело и ярко свѣтитъ на нихъ Божье солнце, снуютъ трудолюбивая пчела и несетъ пахучій медъ въ раскинувшіеся сотнями ульи алтайскихъ пасѣкъ; желтѣетъ нива на склонахъ мягкихъ зеленыхъ горъ, шахматами красуются эти поля, наливаются пышно колосья на дѣвственной почвѣ, дающей огромные урожаи. Да будетъ благословенъ новый трудъ твой, русскій пахарь; надо же снять тебѣ когда нибудь полную жатву!

Н. Ядринцевъ.

8 мая 1880 г.
Сибирь.